

... Книги критиков как товар не обеспечивают расходов, затраченных на его изготовление. [...] Не умеем мы завоевывать читателя, и приходится государству выводить нас на улицу за руки, как малых детей. Известно ли вам, например, что ни одна книга современного критика на современные темы (я не считаю изданий, связанных с юбилейными датами), я подчеркиваю, ни одна не сумела себя окупить и потребовала дотации?

Это из статьи Корнелия Зелинского «Парадокс о критике», вышедшей почти шестьдесят лет назад, в 1960 году.

Сегодня государство литературную критику никуда не выводит.

Топают литкритика себе сама, перебирая ножками. Успела за эти годы подрасти и даже читателя, похоже, научилась немного завоевывать. Книг литкритиков последние пять лет выходит всё больше. Только за прошлый, 2020-й, не меньше семи.

Не знаю, окупили они себя или нет. Но то, что обошлись без госдотаций, это точно.

У меня это вторая книга критики.

Первая, «Дождь в разрезе», вышла в 2017 году в издательстве «РИПОЛ Классик». С подзаголовком «Очерки о современной поэзии», который в последний момент выпал из верстки.

В этой книге тоже будет о поэзии — но не только о ней. И не только — и не столько — о литературе. Она, как и сказано в подзаголовке — который на этот раз, надеюсь, не выпадет, — о *литературной политике*.

О литературной политике государства. О политике внутри самой литературы.

О политике, как она отражается в литературе.

Не буду, впрочем, забегать вперед — о том, что такое литературная политика, говорится в отдельной статье, вошедшей в эту книгу: «Зачем нужна литературная политика».

Первоначально так же я планировал назвать и саму эту книгу. Походив и подумав, отказался.

Слово «политика» — тяжеловатое и расплывчатое, вызывающее множество очень разных пониманий, разных реакций. Да и книга немного шире. Не только о литературной политике, но и о литературе. И это тоже отражено в подзаголовке.

Что касается временного отрезка, это — 2010-е. Десятилетие, начавшееся открытием границ между Россией, Беларуссией и Казахстаном, «Несвятыми святыми» Тихона (Шевкунова), тогда еще архимандрита, и протестами на Болотной. И завершившееся коронавирусом, поправками к Конституции, упразднением Роспечати и созданием Ассоциации писателей и издателей России.

Сознательно ставлю все эти очень разные события рядом. И сознательно избегаю их оценки; лишь пытаюсь отразить процесс политизации общества в 2010-е, который затронул и литературу.

Перефразируя фон Клаузевица: литература есть продолжение политики иными средствами. Справедливо и обратное — политика тоже есть своеобразное продолжение литературы.

А теперь о самом названии.

Убивать литературу я, разумеется, не собираюсь. Цели у меня, как, надеюсь, будет видно, совершенно противоположные. Почему же такое название? Если есть доказательства от противного, могут быть и названия «от противного».

Несколько слов о составе и устройстве этой книги.

В нее вошли статьи, заметки и обзоры последних десяти лет. Где-то треть всего опубликованного. Большая часть выходила с 2016 года в рубрике «Литературный барометр» в журнале «Дружба народов».

Первую, третью и пятую части и составляют эти «барометровские» очерки, касающиеся самых разных сторон литературной политики и шире — литературы и общества. «Национальные» акценты в современной российской прозе, отражения в ней милитаризации массового сознания и противостоящего ей пацифизма... И так далее.

Вторая часть, более теоретическая: о самом понятии литературной политики, ее истории, ее современности, а также отдельных социальных аспектах современной российской прозы. Как отраженных в ней, так и связанных с ее собственным социальным бытованием.

Наконец, четвертая часть посвящена русской поэзии 2010-х. Опять же, с точки зрения социального и политического контекста, его косвенного влияния.

Еще раз мысленно усиливаю голосом: речь идет о влиянии очень опосредованном, косвенном (если воспринимать его слишком буквально, легко скатиться в вульгарный социологизм). Но о влиянии существующем и существовавшем всегда. Как заметил в одном интервью Эдвард Саид:

Даже писатели, вроде Джейн Остин [...] известные своей, грубо говоря, полной аполитичностью, были не так уж далеки от политики. Если вы поищете связь их сочинений с публичной сферой (public realm) — вы ее найдете («boundary 2». 1993. № 1).

И последнее, чисто формальное.

«Евгением Абдуллаевым» я подписываю критические и научные статьи; все собранные здесь статьи под этим моим «настоящим» именем и выходили. «Сухбатом Афлатуни» — стихи и прозу. Я не знаю, под каким именем издате-

ли решат издать этот сборник, у них свои маркетинговые соображения; прошлая книга критики вышла сразу с двумя именами на обложке. Для меня это, в общем-то, безразлично — главное, чтобы книга произошла.

Все статьи были заново отредактированы; подчищен стиль, унифицированы примечания, добавлено несколько ретроспективных (выделены курсивом). Составлен именной указатель.

На этом прерываю вступительную речь, отключаю микрофон и ухожу обратно в зал, чтобы дать возможность говорить самой книге.

Содержание

I

- 13 Требуется негр
17 Классики и(ли) современники
25 Война и мир
30 О рейтингах и «борьбе за потребителя»
39 «На повороте заплакал трамвай...»
44 Литература при минус тридцати
49 Союз разрушимый
56 Производственный роман
62 Я б в писатели пошел...

II

- 69 Зачем нужна «литературная политика»?
97 Большой Букеровский Бестселлер
120 В поисках героя утраченного времени
143 Свободная форма

III

- 167 Литература «бородатая» и «безбородая»
171 Как убить литературу
181 «Ура! Мы побеждены!...»
188 О поздних дебютах и конце света
197 Букеровская пауза
201 Средневековые глобализации
207 Безвременье цикад
212 После «Ариона»
217 О фестивалях и библиотеках

IV

- 225 Читать стихи, писать стихи
240 Профессия — поэт?
268 Кому нужна современная поэзия

V

283	Полиэтиленовая литература
288	Детцы́ и о́ти
293	Завершая круг
299	Время селфи
305	Изгнание из книжного рая
312	Немного о социологии чтения
320	Дивный новый канон
325	Безымянная поэзия
331	Просто такой постмодернизм
339	Указатель имен

I

Требуется негр

В позапрошлом году мне пришлось прочесть где-то около девяноста романов. Современных, русских, серьезных. С разной степенью погружения: что-то просто продиагоналил, что-то — от корки до корки. И в какой-то момент, пытаясь всё это как-то обдумать и переварить, задумался относительно этнического состава действующих лиц. Просто ради интереса. Русские, это понятно. Изредка — украинцы (от русских фактически неотличимые). Евреи. Вот и весь улов.

Плохо это или нет — другой разговор. Для самой литературы, думаю, ничего хорошего в этом нет. Это означает, что она продолжает жить в стеклянной банке. Достаточно приехать в любой крупный российский город и пройтись по улицам: не заметить этнического разнообразия просто невозможно. Хорошо это или не очень (и для кого) — выношу за скобки.

Но это — реальность.

Авторы абсолютного большинства романов, кстати, — жители городов. Больших и очень больших. Но ощущение такое, что живут они в таинственном мононациональном государстве, каковым Россия не была даже во времена Алексея Михайловича Тишайшего. Современный романист, перевоплощаясь в главного героя (или нескольких), может — воображаемо — изменить пол, эпоху и место жительства. Но чтобы сделать пусть не главным, но одним из главных героев татарина, или бурята, или осетина... Я уже не говорю о народах бывших союзных республик, которые почти во всех городах постоянно или почти постоянно живут, работают, учатся, торгуют, гастарбайтят.

Разумеется, о татарах могут писать сами татары, о бурятах — буряты и так далее. И пишут. Не так много, но где-то раз в два-три года что-то печатается. Изредка — привлекает к себе внимание и за пределами литературных кругов. «Салам тебе, Далгат!» Алисы Ганиевой (2009). «Шалинский рейд» Германа Садулаева (2010). «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной (2015).

Речь не об этом. Речь — об интересе к этническому другому. Когда писатель вылезает из собственной этнической шкуры и пытается влезть в чужую — или хотя бы примерить ее на себя. Ощутить себя «хоть негром преклонных годов» (немцем, казахом, армянином...).

В русской классике, кстати, особой сложности с этим не было. Разнообразна этническая гамма у Пушкина: украинцы, горцы, немцы, цыгане, западные славяне, испанцы... У Лермонтова, у Толстого. Да и в советское время русские довольно охотно писали про не-русских. Особенно в двадцатые-тридцатые годы. Платонов, Вс. Иванов, Фадеев... Потом меньше, это уже стало жестче фильтроваться, становилось более казенным. Как это точно описала Дина Рубина в повести «Камера наезжает!», «надо подумать, как верно расставить национальные акценты...»

Теперь «верно расставлять национальные акценты» авторов никто не заставляет: пиши про кого хочешь и как хочешь. Вся этническая палитра пред тобой — на улице, в транспорте, в подъезде.

Почти не пишут. Почему?

В 2003 году Наталья Игрунова задала аналогичный вопрос в беседе с Борисом Дубиним:

Что касается опыта переживания распада империи — вспомнят только два писателя, у кого это вылилось в серьезный разговор: Андрей Волос («Хуррамабад») и Афанасий Мамедов с его бакинским циклом. Как вы думаете, почему? Нет интереса в обществе к тому, что происходит за пределами нынешней

России? Рост «закрытости», сосредоточенности на себе, отгороженности? Травматический опыт? Незнание материала? («Дружба народов». 2003. № 1).

Да, отчасти всё названное. И отсутствие интереса, и слабое знание материала. И всё же — опыт распада империи за последние лет десять как-то осмыслен. Сегодня вопрос стоит уже не о том, «что происходит за пределами нынешней России», а о том, что происходит в ней самой. Андрей Волос прекрасно написал о таджиках в Таджикистане, Мамедов — об азербайджанцах в Баку... А написать о таджике, азербайджанце или киргизе, живущем в российском городе? И не обязательно гастарбайтере.

Хотя — почему бы и не о гастарбайтере?

В середине 80-х Гюнтер Вальраф целый год прожил под маской турецкого чернорабочего и написал книгу, ставшую бестселлером. Пусть Вальраф — журналист, а не романист; и никто не ожидает от российских инженеров человеческих душ, что они, натянув черный парик, пойдут в народ, да еще и неместный. Но само отсутствие интереса к изображению этнического *другого* показательно.

Сошлюсь еще на одну «дружбинскую» беседу (2005. № 4).

Я уже давно мучаю своих друзей предложением вспомнить героев русской, а еще лучше — советской литературы, положительных, главных героев, которые были бы нерусского происхождения. Много мы их вспомним? [...] Конечно, литовцы пишут о литовцах, Анатолий Ким — о корейцах, Айтматов — о своих, Искандер — о своих... Всё нормально. Понятно, в каких это границах. А у русских авторов можно кого-то найти? У известных русских писателей? (Борис Дубин)

За прошедшие десять лет ситуация фактически не изменилась. Отдельные, точечные случаи. «Асан» Маканина. «Перс» Иличевского. Что еще?